добра, да без закладу не верят» (В); «Люди богаты живут, а нас голенких не слушают» (П). В этих словах слышен уже не индивидуальный протест обездоленного наследника, а ясное сознание имущественного неравенства, которое в XVII в. наблюдалось не только между различными классами, но, как мы видели, и внутри одного и того же класса.

Найти управу на «лучших» людей, оградить себя от их произвола было в ту пору очень нелегко, отсюда безнадежный пессимизм истории о голом: «На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять» (З); «Разум мой ничего не осяжет, и сердце мое никогда не обрящет» (там же); «Ум мой не доидет, как мне бедному будет впредь жить» (В). Герой наш не видит для себя другого выхода, как уйти «воровать, так скорея меня повесят», печально заключает он. И здесь несомненный отголосок быта именно второй половины XVII в.: самое слово «воровать» употреблено в том старом смысле, в каком оно закреплено и Уложением Алексея Михайловича, т. е. в значении всякого вообще нарушения законов, всякого преступления.[1] Слово «вор» с его производными в XVII в. было излюбленным бранным эпитетом для законопреступников. В 1671 г. воевода воронежский Бухвостов доносит в Москву о своей агитации против Степана Разина; он велел «привесть к вере» воронежцев на том, чтоб «ни на какие воровские прелести вора Стеньки Разина с товарищи не прельщатца и никаким ево воровским письмам ни в чем не верить и к воровству и к измене и ни х какои шатости не пристовать, а будет хто в ком проведает какую воровскую мысль...»[2] и т. д. В XVII в. неудачники, подробные герою азбуки, уходили иногда к таким «ворам» — правонарушителям вообще, а не только похитителям чужой собственности.

К XVII же веку ведут нас старые названия одежды, употребленные в азбуке, — ферязь, однорядка,[3] причем последняя шьется из сукна с «королки», как носили в среднем городском классе.[4] Одна деталь старшего списка азбуки о голом дает возможность, кажется, уточнить несколько датировку этого памятника: под буквой Я мы читаем здесь: «Ял бы я молодец рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоимет» (А). Мыт, как один из видов

[1] Материалы для старинной юридической терминологии. Лет. зан. археогр. ком., в. I, 1861, СПб., 1862, стр. 73—74.

[2] Воронежский губ. музей. Рукописи и воронежские акты, вып. II, Воронеж, 1905, стр. 108.

[3] Ферязь и однорядка известны по памятникам уже в XVI в. См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письм. памятникам, т. II, СПб., 1898, стр. 619, и т. III, СПб., 1912, стр. 1354.

[4] Н. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорус. народа в XVI и XVII ст., СПб., 1887, стр. 93—95.